

УДК 93/94.

«НОГОЮ ТВЕРДОЙ ВСТАТЬ ПРИ МОРЕ...». ПРОБЛЕМА ИМПЕРСКИХ АМБИЦИЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕЕ ОБРАЗНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ФЕЙЕРВЕРКАХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Е.А. Наймарк, ассистент кафедры менеджмента таможенного и страхового сервиса Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики

Статья посвящена имперским образам, воплощенным в фейерверках первой четверти XVIII в., военно-морской стратегии Петра Великого и ее оценке А.С. Пушкиным и Н.М. Карамзиным. Впервые с помощью системно-структурного метода проанализирована историографическая память, которую формировал о себе Петр Великий в морских образах пиротехнических показов, и ее оценка первыми историками петровского царствования XIX в.

Ключевые слова: фейерверк, историография, эмблема, Петр I, А.С. Пушкин, Н.М. Карамзин.

Связь общественно-политических идей и культуры первой четверти XVIII в. детально рассматривалась в работах историков культуры [1–6]. С современной исторической позиции немаловажно отметить фейерверки как средства популяризации идеологии абсолютизма. Современные исследователи выявили значимую роль императоров, в первую очередь Петра Великого, как историков собственных царствований [7; 8, с. 213–226]. Однако не было ни одной работы, посвященной сравнению исторической памяти, которую оставили после себя монархи с помощью эмблем имперских фейерверков, и оценке царствования Петра Великого одними из первых историков XIX в. – Н.М. Карамзиным и А.С. Пушкиным.

Поскольку главными целями в создании империи Петр Великий считал создание самого мощного военного флота в Европе и укрепление сильного государства на берегах Балтики [8; 9, с. 178–189; 10], то чрезвычайно символична, на наш взгляд, цитата из «Медного всадника». Впервые исторические идеи, воплотившиеся в фейерверках, будут рассмотрены не просто с внешнеполитической точки зрения, но и в семантическом значении образа «ногою твердой стать при море», которое выявляется при анализе замысла А.С. Пушкина.

Море являлось символом необузданной стихии, рубежа, который Россия преодолела. В сборнике образцов фейерверочных эмблем «Символах и эмблемате» изображались скалы, корабли в море, символизирующие крепость, храбрость, мужество, спокойствие среди бушующей стихии [11]: Они применялись Петром Великим и его наследниками в фейерверках.

Для детального анализа исторических и общественных идей в «морской» эмблематике фейерверков необходимо сделать краткий обзор историографии фейерверков. Описание

символики ярких фейерверочных потех мы находим у А.Я. Корниловича. Историк-декабрист отметил, что девизы и декорации «театрумов» представляли отдельное значение. А.С. Пушкин, ярко изобразивший характер эпохи Петра Великого, не остановился на его выражении в общественно-политических символах фейерверочных представлений, однако сделал немаловажное уточнение, что фейерверки вряд ли использовались для приобщения к военному и артиллерийскому искусству [12, с. 88]. До середины XX в. историки и искусствоведы не анализировали фейерверки как итог рефлексии власти над идеологией. В.Н. Васильев впервые в истории культуры отметил большое политическое значение «старинных фейерверков» первой четверти XVIII в. [13]. «Огненные зрелища» как зеркало идеологии государственной власти, в котором отражались ее внешнеполитические интриги и чаяния, впервые исследовал Д.Д. Зелов [14]. Современные ученые (Д.Д. Зелов, Е.А. Погосян) заключили, что официальные власти пропагандировали имперскую политику России. Наименьшее внимание уделялось идеям внутривластного утверждения страны.

В конце XVII в. современники Петра Алексеевича стремились укрепить южную границу Российской империи, инкультурировать русский духовный опыт в западноевропейское искусство. В частности, Д.М. Голицын совершил Чигиринские походы, утвердив придворную репутацию патриота и блюстителя курса внешней политики самодержавия. После героических сражений князь заказал барочные панегерики в свою честь, которые походили на воинские песни Средневековья. Но только в начале XVIII в. Петр I стал уделять пристальное внимание общественным взглядам европейцев на Российское государство. В его письмах видна горечь по поводу резкой европейской критики русских.

Поэтому основной общественно-политической целью стало утверждение и постоянное изучение героического прорыва России на Балтику. Северная война служила основной темой «монументальной пропаганды» Петра Великого.

В многолетней борьбе со шведским королевством за право считаться одной из самых сильных военных держав Россия одержала ряд трудных и блестящих побед, которые изображались в эмблемах «викториальных» и консульских фейерверков.

Новая формирующаяся идеология Российского государства превратилась в важнейший просветительский проект государственной власти. Петр Великий и культурные деятели его эпохи отстаивали свою заинтересованность в том, чтобы россияне признали общеевропейскую светскую символику.

Основным знаком начала нового направления в общественно-политической мысли стал просветительский, рационалистический подход. Официальная власть (Петр Великий и его приближенные) стремилась показать социальную значимость войны как исторического подвига, «дерзновения», менявшего государственную жизнь России. В исторической литературе связь внешней политики с государственным укладом не вполне рассмотрена. Представляется немаловажным вопрос о политической идеологии военных кампаний с точки зрения Петра Великого. Национальному лидеру, стремившемуся утвердить идеологию войны как значимое дело России, предстояло в начале царствования обосновать теорию «государственной пользы» именно с военных позиций.

Учение о «государственной пользе» стало определяющим вектором общественно-политической мысли. Емкое определение этой теории дал Н. И. Павленко. Как заметил исследователь, «общая польза» состояла в способности подданных в зависимости от сословной принадлежности служить «государственному интересу» [15, с. 77].

С определенной долей условности можно установить, что Российское государство стало представлять особый интерес для дворов Европы после Полтавской баталии. Петр Великий, делая дипломатические и организационные шаги, хотел, чтобы действия русских стали понятны европейским странам, в первую очередь Англии, Франции, Голландии и германским княжествам. Он стал считать плененных воинов со шведской стороны, устраивал пышные приемы для послов, на которых старомосковское изобилие сочеталось с европейской культурой и цивилизованностью. Фейерверочные представления должны были внушить иностранным гостям и российским гражданам, что Русское государство находится в одном символическом пространстве с Европой.

Государственной власти представлялось важным привыкнуть и приобщить подданных к

античной героике и барочной декоративности. Если дворцы могли долго оставаться незамеченными и непонятными, а музейные коллекции и садовые статуи, несмотря на стимулы, были сложны, то фейерверочные представления с их девизами, транспарантами являлись массовой и яркой пропагандой новых ценностей светского государства. Еще одним основанием для заключения, что Петру Великому срочно требовалось приобщить соотечественников к мифам античной Европы, может служить то обстоятельство, что в официальных императорских фейерверках не показывались средневековые святые (Сампсоний Страсториимец, Исаакий Далматский), в честь которых император распорядился заложить церкви.

Прославление монарха как «первого россиянина-труженника» являлось не только важной общегосударственной социально-политической идеей в фейерверочных представлениях, но и этикетным «ходом», который использовали все соратники императора (в первую очередь А.Д. Меншиков), показывавшие огненные зрелища. Для большинства использование этой общественно-политической установки стало потребностью, так как они осознавали социальный престиж показа собственных эмблем и гербов рядом с императорской символикой.

Как было отмечено ранее, описание дел монарха с помощью ярких античных аллегорий позволяло возвеличить его реформы и военные победы как сверхестественные подвиги. Поэтому одной из первых, самых популярных аллегорий в литературе и фейерверочных картинах стало изображение Петра Великого, его войска и флота в виде Геракла, совершавшего одно из своих героических деяний. Таким образом выполнялись две общественно-политические задачи: во-первых, сделать для россиян привычной античную героическую символику, возвеличив светское государство (впоследствии империю), а значит, как было установлено еще в историографии 1950–1960-х гг., «популяризовать и разъяснить реформы» Петра Великого [16]. В основном преобладали мужские композиции с прославлением войны (мифологические герои), однако иногда важными являлись женские аллегории (девы). Со времен царствования Петра II и Анны Иоанновны они стали самыми главными в представлениях. Второй не менее важной функцией эмблематики фейерверков в период царствования Петра I являлась легитимация абсолютной власти нового императора: с одной стороны, светский культ его деяний, а с другой – впервые в российской общественно-политической мысли полное обожествление царя, отождествление его с Богом, Христом.

В петровскую эпоху появился особый стиль политического просвещения зрителей путем фейерверочных представлений. В переходный период от самодержавия к абсолютной власти российское общество официально ори-

ентировалось на западную светскую цивилизованность, языческую античность. Свидетели «огненных зрелищ» приобщались к манерам публичного поведения homo ludens, «политических дам и кавалеров». При этом Петр Великий использовал средневековый опыт городских гуляний на церемониях, идеи польско-украинского просвещения. Символы воплощали гармонию природы, идеи сверхъестественной героики, прославляли новую европейскую морскую державу.

Расширение империи путем водной и сухопутной экспансии изображалось в огненных представлениях как битва героев с вероломными чудищами. Необходимость укрепления российской мощи в глазах Европы восхвалялась как благой труд.

Одними из наиболее ярких фейерверков с морской тематикой были консульские фейерверочные «зрелища». Они показывались в основном в расчете на приезжих иностранцев, которые поведают о понятной им античной идеологической символике всей Западной Европы. В последние годы царствования Петра I содержание придворных консульских фейерверков, судя по всему, усложнилось. Прославлялся героический русский флот, олицетворением которого стали Нептун и морские чудища. Тем самым утверждались убедительные морские победы государства 1720-х гг. В частности, один из самых красивых «морских» фейерверков показывался 27 июля 1720 г. в акватории Невы. Нептун (символ, широко популяризованный в Санкт-Петербурге начала XVIII в.) плыл на морских конях, окруженный младенцами, бьющими в бубны. Младенцы олицетворяли молодых европейских учеников – матросов и морских соратников императора, который прославлялся как античный бог морей. Надпись «TRIUMPH» свидетельствовала о разгроме шведского флота и первенстве среди прогрессивных европейских эскадр, в первую очередь английской [17, л. 1, 13]: Здесь море не интерпретировалась как враждебная стихия, а показывалось как желанная награда за победу, дружественный союзник. Нептун, морские кони, морские чудища потешались, забавлялись в море. Символические картины со сходным идеологическим содержанием изображены в барочных барельефах А. Шлютера на Летнем дворце. Европейские консулы, хорошо знавшие античную символику были свидетелями общественно-политического и культурного развития молодой столицы. В 1720 г. приглашенные представители просвещенной Европы наблюдали одно из самых красивых фейерверочных зрелищ, спланированное специально для них. Эти эмблематические представления внушали уверенность, что Россия утвердилась в мире как сильная военно-морская империя и активно приобщается к светской европейской культуре.

«Общим местом», «комеморацией» является следующая теория русского Просвещения. В девизах и коротких сценах основной идеей стало отречение личностей и общества от религиозной и биологической сущности для интеграции России в культуру и цивилизацию Западной Европы.

Множество дискуссий вызвали бессмертные слова А.С. Пушкина о том, что Петр «Россию вздернул на дыбы», чтобы «ногою твердой стать при море». Сегодня не остается сомнений в том, что это не просто поэтические образы, а ключевые общественно-политические мысли. Историки и филологи ставили вопрос о том, негативно или позитивно А.С. Пушкин вслед за Н.М. Карамзиным оценивал реформы Петра Великого. Первый русский историограф XIX в., пройдя очень сложную эволюцию взглядов на монарха, утверждал, что при Петре «все переменялось» и все бесполезные жалобы подобны «жалким иеремиадам». А.С. Пушкин, исследовав не меньше архивов, чем его знаменитый предшественник, менее категоричен. Он восхищен прагматизмом, рациональностью, созидательностью Петра – морского стратега, но потрясен его жестокостью в подавлении знаменитых русских бунтов. В готовящейся «Истории Петра» поэт выразил свои взгляды последних лет жизни: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, свое нравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или, по крайней мере, для будущего, вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» [12, с. 285]. Поэтому не вполне убедительны выводы А.П. Лисунова о том, что А.С. Пушкин, в отличие от Н.М. Карамзина, вынужден позитивно оценивать Петра Великого из-за цензуры Николая I [18, с. 16]. В начале XIX в. существовала жесткая цензура, поэтому «Записку о древней и новой России» Н.М. Карамзина не печатали. Историк впервые обвинил Петра Великого в «блестящей ошибке» (новой морской столице), а поэт в том, что император у т в е р д и л с я на море, словам волю подданных. В преддверии критических трудов о Петре Великом Н.Г. Устрялова А.С. Пушкин собрал самое большое количество сведений по первой четверти XVIII в. и был более сдержан, чем Н.М. Карамзин, так как он писал не публицистический труд, а профессиональный исторический. «Историю Петра» цензура запретила печатать. Судьба «Медного всадника» тоже сложилась непросто. В обоих произведениях тема «Петр и море» занимает центральное место, А.С. Пушкину впервые удалось объединить идею страха перед стихией всенародного бунта и образ порабощения моря, завоевания стратегически важных территорий.

Н.И. Павленко показал, что если для Петра Великого завоевание моря и построение сильной державы было «службой», гражданской обязанностью, то его самовластные преемники «вознеслись на небеса» и лишь удерживали власть жестоким подавлением каких-либо заговоров и бунтов. Как показано в данной работе, с

первых морских побед символы Нептуна, морских чудищ, молний служили важнейшим средством прославления новой светской, гражданской идеологии, главного государственного подвига Петра I в строительстве и объединении сильнейшей державы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гребенюк В.П.* Эволюция поэтических символов российского абсолютизма (от Симеона Полоцкого до М.В. Ломоносова) // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М., 1989.
2. *Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры.
3. *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.
4. *Лотман Ю.М.* Природа государственной власти глазами теоретика и читателя XVIII в. // Очерки по русской культуре XVIII века. М., 1996. Т. 4.
5. *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
6. *Черная Л.А.* Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половины XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М., 1989.
7. *Погосян Е.А.* Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001; Свердлов М.Б. Петр Великий и историческая наука // Петровское время в лицах-2008. СПб., 2008.
8. *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996.
9. *Кротов П.А.* Рождение России как военно-морской державы при Петре Великом: волюнтаризм самодержца или государственная необходимость? // Российская государственность: история и современность: сб. ст. СПб., 2003.
10. *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. СПб., 2009.
11. *Амбодик-Максимович Н.М.* Эмблемы и символы. М., 2000.
12. *Пушкин А.С.* История Петра. М., 2000.
13. *Васильев В.Н.* Старинные фейерверки в России. Л., 1960.
14. *Зелов Д.Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы). М., 2010.
15. *Павленко Н.И.* Социально-политические взгляды Петра I // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
16. *Петров Л.А.* Общественно-политические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Иркутск, 1959.
17. Отдел эстампов РНБ. Инв. № 23076.
18. *Лисунов А.П.* Пушкин – историк Петра («История Петра» в творческом сознании Пушкина 1830-х годов). М., 1997.